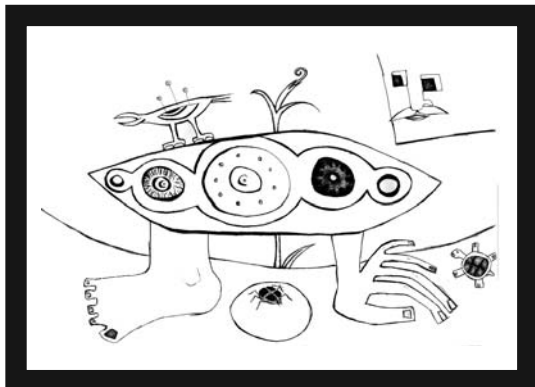

Поздний Завтрак

[utrovortu.ru]

ВСЁ ЧТО ДВИЖЕТСЯ

■ ■ ■

Слепень 200 грамм
Теофиль Готье
Скачет по горам
В шапке и кутье.

Всё глупо. Я не заяц.
Ты не камердинер
Она не девушка
А он не цеппелин.
Разрушены наивные мечты
Нарушены законы красоты:
Уродливые бабы на заборе
Уродливо танцуют для тебя.
Ты посмотри в окно:
Какие пляски.
Ах! В жизни всё не так
А ты в коляске.

Спесивый карлик из загона
Тащит корову на поверхность,
Не чтит он Божьего Закона,
Труду предпочитает леность.

Разрезал ногу пополам
Косой, забытой кем-то в поле,
Растёкся жижей по полам
И никому не нужен боле.

Спесивый карлик, чей ты сын?
Чей муж ты карл, и кто твой брат?
Спесивый карлик, ты один.
Во всем во этом виноват.

В Тюмень ты ехал в колымаге,
А в Кракове ловил бобров.
Спесивый карлик, где те маги,
С которыми ты шел в Тамбов?

Спесивый карлик, ты один,
Ты сдулся, умер и усох.
Ты был сознанья господин,
А стал теперь говна кусок.

■ ■ ■

Арлазор :

Мне подаёт чудовищный сигнал
Певучесть камня
Я — серебристых лазутчиков
Сторож бородатый
Чувствительная прелесть —
мой долг

Хор :

Светлый князь...

Арлазор :

Не буду больше петь
Я глупых песен
Я буду молчалив
Как плесень.

МОЙ ДОЛГ

забавы

ПОЛ КОРОЛЕВСТВА и дочь и все земные блага отдам человеку величиной с ноготь. Отдам ему волосы свои, отрежу восемь пальцев и исполню ради него любые па.

И вот кричу я: «Где ты есть, человек величиной с ноготь? Может прячешься в обличьи человека, обросшего луковицей? Может, в силу своей стеснительности ты явился ко мне в виде тумбы, или задушенной коровой спрятался под обоями, между стен, и вот, теперь, сползаешь с этажа на этаж, сантиметр за сантиметром, не зная, что и думать?»

Но теперь я ясно вижу, что человек величиной с ноготь посмеялся надо мной и моими пустыми обещаниями. Я пытаюсь забыть об этом, засовываю руку в карман, хожу по комнате, передвигаю стулья. Ну ладно, зато в тишине, когда собственный голос уже отзвенел, слышно птичье пение.

Ни черта не разобрать, значит надо надеть штаны, надеть плисовую рубаху и нараспашку хлопнуться лицом о стол. так, чтобы неповадно было.

Ведь есть люди, которые носят по-настоящему огромные меховые шапки, думаю я, выходя за дверь. Дверь—то дверь, но где же ключ? И зачем я вообще вышел за дверь. Вернуться обратно, подмести полы, покричать в перьевые подушки и раскрашивать фаянс простым карандашом.

Или лучше по-простецки бить мух. Вот одна, и, предположим, она розовая, розовощёкая муха в треуголке, на длинных стеклянных ногах. У неё густые брови и высокий воротник, и зычный голос, и правильное произношение. Она — ослепительная моя подруга.

Будь добра, присядь на эту вот тумбу, расскажи как что. Как семья, учёба, погода.

Не забывай только, дорогая моя, о том гусаре, который, наострив свою бодрую шашку, сидит в ванной, мысленно насвистывая удалые песни. Берегись, он погубит тебя.

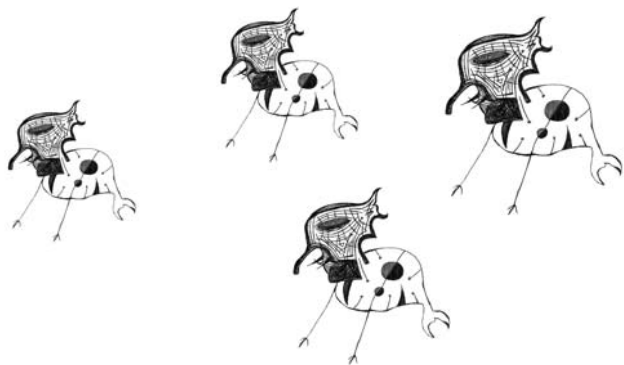
Но муха не слушает, и вот уж черные брызги разлетаются по кухне.

Итак, с одной мухой покончено, другая в страхе уползла в своё поместье с важными садами и фруктовыми деревьями, где ходят кони и коровы и пастухи, и каждый вечер, сидя в беседке, можно перечитывать хорошую книгу, или, сидя за самоваром с калачём, чистить рыло или рубить топором стол.

Однако. Мухи и след простыл. Взглянешь за окно, а там какие-то пятна, несколько штук, лучше суеверно отвернуться и побегать туда сюда. Так, так.

Свернуться кукишем. Но сначала сварим макарон, поджигая одну спичку за другой, выливая из крана воду, пока вся не выльется... И вот уже вроде, виляешь тазом, выворачиваешь ладони и зубами начинаешь щёлкать. И вот ты уже какой-нибудь, или лучше сказать,

какой-никакой рак... Неловкий, так что сам себе откусываешь ус, опускаешь клешни в кипящую воду, что бы наваристее было, чтобы было о чём вспомнить. О, сладострастные столовые приборы! Я ваш раб. Через пол часа придёт какая-нибудь, или, лучше сказать, какая-никакая девушка, и тогда я как следует поработаю столовыми приборами, выбью спесь из чужого тельца. Сначала я сделаю строгое лицо, может быть даже надену сюртук и скажу: «Привет, привет... Несказанно рад тебя видеть». Сохраняя одновременно строгость и приветливость выражения, я провожу дивное создание на кушетку и без лишних церемоний предамся с нею пороку, издавая лошадиное ржание и поколачивая подругу серебряной ложкой то по лбу, то по коленям, то по полуприкрытым векам; затем прокричу «Ты хоть знаешь, который сейчас час?!» и начну рвать на себе волосы; заставлю девушку сварить кашу. И съесть. Пусть, сволочь, как следует поест. «Кушай, любимая», — скажу я ей ласково, а сам тем временем начну выщёлкивать у неё над ухом такую чудовищную мелодию, что каша никак не пройдёт дальше её ангельского горлышка и повалится изо рта на пол. Что делать — мир жесток, скажу я ей, растирая лоб вафельным полотенцем.

voyage

Поехали! Поехали в Тюмень!
Там стройных пальм гуляет тень
Семейства там как одуванчик
Там поселенья сербов дачных
И тонких палочек колёса
Мелькают на вершине плёса

Поехали! Поехали в Плесецк!
Живёт там ослепительный песец
Арабы там как злые вишни
Там будет смерть предметом лишним

Гуляют овцы как бараны
Гуляет тополь как сосна
И их движения так странны
Там царство неземного сна

Поверишь ли? Я ехал в Липецк
Там в каждом доме есть ленивец
Повсюду гордые сады —
Сосуд священной простоты

Мой друг, любезная девица,
К чему стоять? Зачем томиться
Твоих очей колодцы зрячи
Но это ничего не значит

Я не ищу в тебе улады
Деревьев гордые отряды
Заменят мне и отчий дом
И палец с поднятым перстом
Собаки гордые как лето...
Что мне ответишь ты на это?

Поехали! Умчимся в Краков
Там царь царей и гордых раков
Вершит свой справедливый суд
И раки радостно на блюде
Нам просветление несут
Ах, если б знали это люди!

Таких как ты там тысяч шесть
Они сидят в святых хоробах
И лечат всех душою хромых
Да мне всего не перечеть!

Не плачь родная! Скоро солнце
Зайдя в пустые города
Балладу о лихом ливонце
Споёт. Ты смолкнешь навсегда.
И червь вползёт в тебя шипящий
И на куски тебя растащит

Люби меня пока есть силы
Пока ума не лишена
И старость про тебя забыла
И ты сидишь обнажена,
Держа в руке благой трамвай
Не бойся, милая, давай!
Сидишь на кухне как огарок
Ты с пыльностью своих зрачков
А я несу тебе подарок —
Мешок таинственных значков

Я всё секретно обозначил
Чтоб не сбежала никуда
В твоих руках мой мозг казачий
Целую я тебя туда
Где затихает смех ребячий
Где мир рождается иначе
Где прячется пугливый заяц
Станцуем вместе этот танец.

Ударив мордой о графин
Стал лицедей вращать резцами
Сказал ответственно: «Я — Финн»
И наступил пожар
Глазами
Он стукнул об пол и упал
Теперь он
Ашшурбанипал.

оторопь

Волоком —
солёным

Я уселся в крест
Волком удалённым
Я искал невест.

Лузгает от счастья
Ходит не дыша
Человечья Маша
Мысль потроша

Маша ты нелепа
Мысленно безрука
Грозного полипа
Глупая подруга

Маша зацепилась верхом
За лозу
Маша хочешь в церковь
Я тебя свезу

Там священник добрый
Замуж сдаст тебя
Висле или Одеру
Свисла голубя

Свисла голубятня
Прохудилась кры-
ша-рит непонятный
Шевелитель рыб.

■ ■ ■

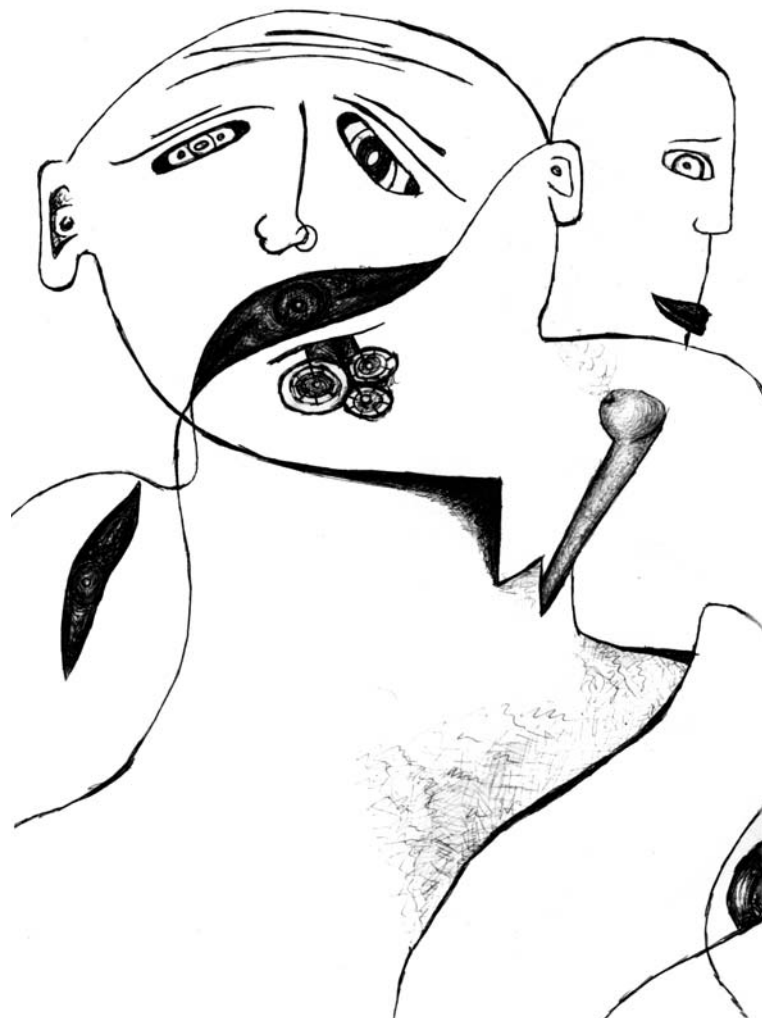
Широк клозан моих друзей
Их гидравлические шашни
Их почитанье дней вчерашних
И непочтение к грозе

Широк моих познаний округ
Кому увы пожать не смог рук
Простите — да — я грубиян
И звать меня Отец Ульянов.

■ ■ ■

Я съел вино,
Я выпил глаз,
Я ждал тебя —
Ты не пришла.
Теперь сижу в своей каморке,
Считаю пальцы на ногах.
Быть может, стало пальцев больше,
Чем требует того обычай.
Недавно был ещё январь,
А нынче уж весной пахнуло...

по поводу твоего настроения

Козьи ноги
На затылке
Пастухи побрили руки
Духи
Вышел из могилки
Торопясь к своей
Подруге
Железа ежом трепещет
Стукнул об пол лбом приказчик
Горлом кровь напелясь
Хлещет
И образчик
Влез на penis
Женской вещью
Мальчик с пальчик
Тпфу! Противно
Фу, отвратно
Кконь блюёт себя
Обратно.

лекция №3

Постулат первый: желатиновая птица блюёт. почему? Потому, что это её характерное свойство. Желатиновые птицы вообще имеют свойство блевать, о чём, собственно, было сказано выше.

Гораздо более странным проявлением её являются так называемые «катышки». Обычно под этим словом понимают комочки шерсти на одеялах и свитерах. Так что мы не будем отходить от этого общепринятого определения.

У меня долгое время жила желатиновая птица по имени Джузеппе. Каждый день после кормёжки она извлекала катышки из пространства между своими перьями.

Птицы, как известно, носят перья, хотя и покрыты кожей.

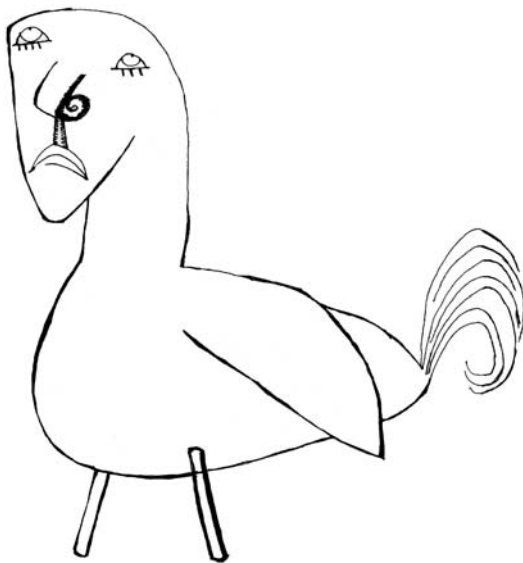
Я слышал, что североамериканские индейцы носят перья в качестве головного убора. Блюющие желатиновые птицы носят перья просто так.

Как уже было отмечено выше, желатиновые птицы блюют. Это связано с неправильным, с человеческой точки зрения, расположением внутренних органов, например, желудка.

Да, воистину.

Сальмонелл Джонсон в своей «Теории зачатков» определяет б.ж.п. как «коварных, нечистоплотных хищников». Однако современные орнитологи

склонны не принимать это определение всерьёз, основываясь на том, что, во-первых, б. птицы питаются преимущественно листьями, во-вторых, они крайне чистоплотны. А говорить о «коварстве» какой-то блюющей птицы вообще смешно.

Я съел лицо, твоё лицо —
Оно казалось мне красивым
Я сочинял дурные ксивы
Заподлицо

Я — Гончаров в прозрачном платье
Я — Герцен в траурных штанах
На Пушкина похоронах.

Свистящий Мудн запел; и поп
Несущий трубы для сантехник
Сказал – ты грешник – поднял ствол
свалились кудри как кяфир

плохой поступок я не спору
мы назовём его фефир
словами не поможешь горю
делами не изменишь мир

кто зайцев собственной рукой
ловил с утра — для тех не тайна
что по-немецки значит seine

Ойропа вышла на панель
С улыбкой и бабинной
Стоял солдат корзун
Нечопорный безвинный

(да это мерзко — я согласен
Но мне – поверьте – не до басен)

Да я кокраз про зайцев начал:
Кто ихъ ловиль и кто ихъ ель
Для тех кто ранним утром зачал
для всех, кто в жизни преуспел
Дле тех не тайна, нет не тайна
ЧТО по-немецки значит seine.

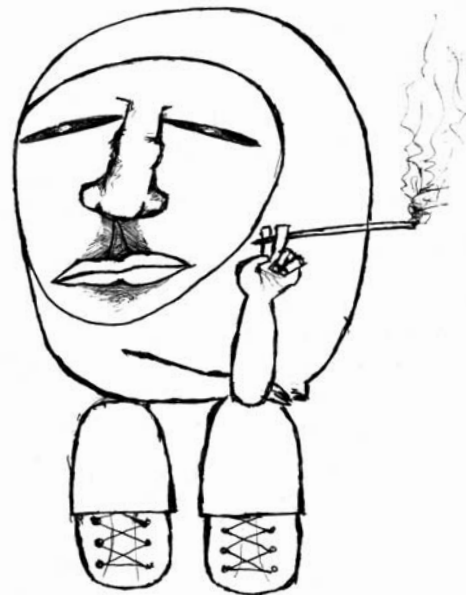

Сани Едут Без усилий
Им не больно
Словно воздух
Лёгких прений и признаний они ищут
Свищут зубы в закоулках
Тратясь в муках
Эйфории треснуло стёклышко.

Одежда плавает в пруду
Там утонул мой лучший друг
Я на могилу не приду
Несчастливого не вспомню вдруг

Да-да. Теперь я стал серьёзный
В моих руках календари
Осёл убогий и курьёзный
Повиснул на моей двери
В зубах его дымится вечер
Он так беспечен но увы
Сей евнух мною был излечен
Событья были таковы
Что удержаться не смогли мы
И погибали как налимь.

Выходил на берег ленин,
говорил себе в усы.
Не отбрасывал он тени
А глядел всё на часы

Обращался же к нам ленин так :
«Друзья!
На часах моих пять тридцать
Без хуя».

Здесь положен нам естественный предел.
Здесь, сейчас, слепой Барашек поседел.

Кони плачут
Кони скачут.

КОВАРНЫЕ СТИХИ

■ ■ ■

Никто не скажет скользкому ребёнку,
Что тот был прав когда сломал гребёнку
Его убьют кнутом, положат мрачно в угол
Смотреть на пыль и кукол

Жестокий день как будто жабий плац
Резиновый комар.

В моей каморке Бог
притаился вшами
Я падаю двуног
Двумя левшами
Себе я представляюсь
Вместо беса
Я прячусь или маюсь
жду навеса.

Соня любит можжевеловых
купцов разносить на святки
так странно говорит о прошедшем
её керосиновое горлышко.

забавы

Так тихо плакал
Царевич раков
Глухой собакой
Посажен на кол
Прощай несчастный
Ты был как брат нам
Пойдём обратно
Здесь так ужасно:

Зажат, зажёван
Торчит моржовый
Я весь в лебёдку
Кишок дешёвых
Забыл подумать
Забыл помыться..
Стоит девица,
Стоит, сочится

Я буду грубым
Как Жан Корица
Твой рот и губы
Как чечевица

Прощайте раки
Я был как брат вам
Теперь обратно
пора обратно.

Моя розовая птица голышом, голышом
Веселится и резвится с малышом, с малышом
Ты гуляешь вдоль беседок не дыша, не дыша
И роняешь на соседок малыша

Он кричит «убили черти» и молчит и молчит
Он песок жуёт зубами каланчи
Ты как лебядь ходишь мимо босиком
Я наряжен и повусюду насеком

В голове моей отдушина «пескарь»
Будем мы с тобою ужина искать
Подойди, стряхни ладонями слезин
По ноздрям стекает ладан и бензин.

■ ■ ■

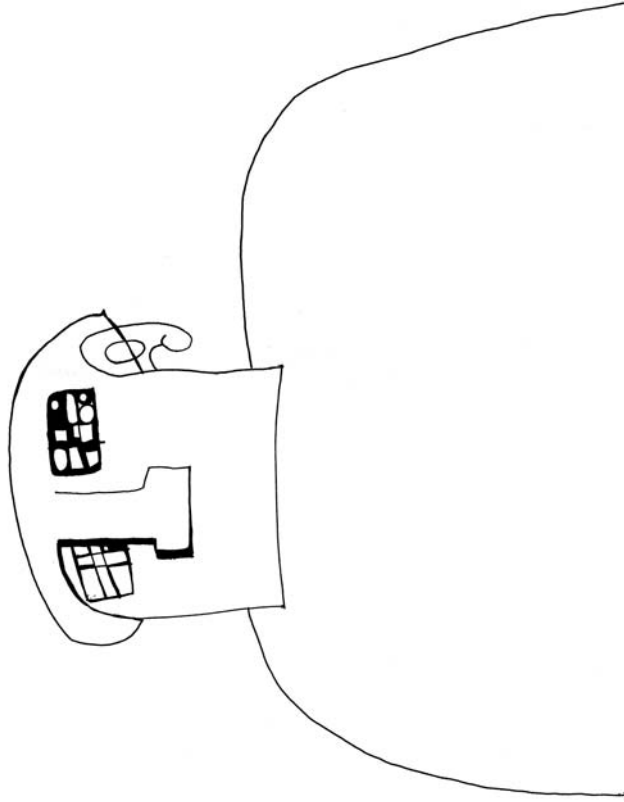
О как противен господам
Малахитовый волан.

■ ■ ■

боги какой-то не те
сон отвечал немоте
в жидкое тело ручья
входишь как будто ничья
чешский накинув халат
я нарезаю салат.

Не уважал прозрачных вафель
И нежных бабочек слюну
Теперь же пачкаюсь, стону
Мокрота падает на кафель.

■ ■ ■

Я изнемог от пустоты
Свечей не стало, мы чисты
Разит кошмаром от коня
Он метит молнией в меня
И оторвались рукава
И стал ненужным шаровар

И медной проволокой грезит
Кондуктор пыли и щипцов
И на меня уж не налезет
Улан назойлив и пунцов

В лице копыта, в шее свищ
Во рту остатки пепелищ
Всё догорает как назло
Шипит лукавое число
Но всё забыто. Медный таз.
Я открываю утром глаз
И вижу пыль, тебя и стены
Следы копыт и клочья пены
Раздетым телом шевеля
Не отыскать мне щавеля
И некуда пойти
Роса как пот. жжёт по пути
В орешник
Я грешник порванных часов
И друг нездешних.

■ ■ ■

пруды наполнены навагой
тоскует клещ
слетит отравлена бумагой
кожа с плеч

латают грозные заплаты
жёны свеч
и входит в красные палаты
попереч

наш князь, он говорит:
останьтесь
тесать унылое бревно
красавиц, милые, касайтесь
сырое дно
заставит бога делать вид
заставит комнату шкафами
и человека без брови
убьёт шарфами

все пьют вино
все любят дам
водить в кино
и гладить по задам.

■ ■ ■

пасхальных умов гроб
пасхальных умов мох
печёный в руке горох
рассыпался вдаль. оп.

о бесе

забытый кошелёк ума
метался бестолковой втулкой
и мы с ним плесневой лежали булкой

сиротка день тошнил монетой
не для продажи или зла
иль кучерявого весла

всё было только комом грязи
прохожие, девицы, или друг
молчали, замыкая сизый круг

и звери плакали в лесу
грозя оторванной подошвой
их бедное лицо напоминало крошево
букашек, лапника, часотки,
опухшей от вина красотки
иль пеной съеденных гусар
но всё прошло. вот выплывает балтазар

б а л т а з а р :

о бесе ныне
спою я песни власяные

и ты, усатая девица,
и ты, монтёр, сломавший челюсть,
переставайте веселиться
святой отправился на нерест
и не пристало хохотать
тому, кто знает горечь свиста
беззубого, седого как ухта
и едкого как слёзы гармониста

но песня, которую собирался спеть балтазар,
оказалась очень короткой:

Ах, репейник,
Ах, карась речной,
Всё устало,
Всё желто как гной
Не пристало
Брить теперь усы
всё мертвей
пунцовой колбасы
муравей
не знает о длине
он утоп
в слюне.

■ ■ ■

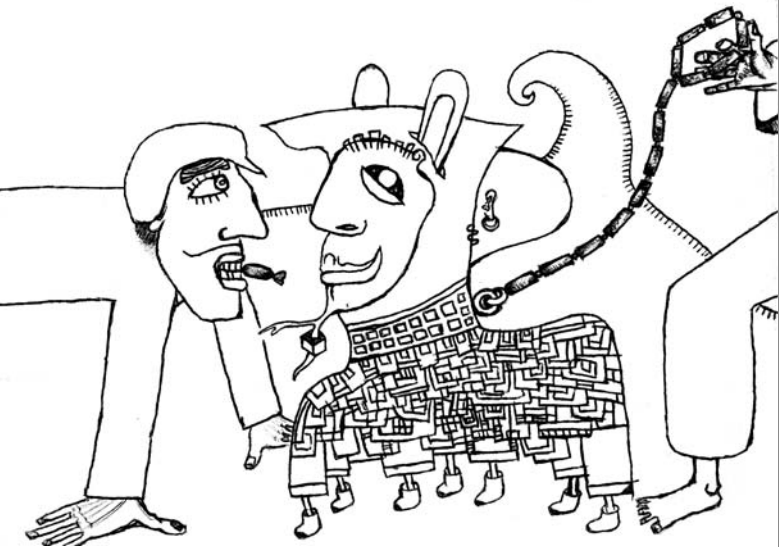
А я один с усатым другом
Дни провожу плетясь за плугом
В суровых думах, всем пророча
Я пыль вздымаю взмахом крыл
А друг мой ранен, всё забыл,
За мною ходит кровотока.

■ ■ ■

Маркиз блюёт чугуном соловьём
верёвки вьёт
В его отряде смельчаки
Не подают клешням руки
Его набухшая жена
В глазах сверчка отражена
Но старичком поражена
Усатым санным следом
Она покрыта пледом
Сегодня он обедал
пустыми щами
Маркиз, маркиз, все твои беды
Осмеяны лещами
Маркиз, маркиз, все твои жёны
Пропали в бурю
Маркиз, маркиз, ну не смешон ли
Жующий тюрю?

Маркиз смеётся и ноздрями
Глотает воздух
Покрылись пальцы волдырями
А лоб коростой
Мышиный царь ведёт полки
К его постели
И тля клюёт его белки
И простыни вспотели.

картина мира

считал свои усы
их было двое
казалось птицы нюют
не поют
давился гноем
но искал приют
среди шипящих
масляных колодок
среди белуг
среди весенних сводок
утюг
и тот был краше
чем диких плясок чаши
чем тихих ласок рощи
«чего быть может проще»
стальная фраза
фраза удальца
но кто здесь он
дотлевший разум
утюг или пыльца?

нет удалых
Лишь клешни нюют
Когда иных
Секут и поят

Когда же сами
били в бубны
лежали там
тихи́ и трупны

Я видел мира глупую картину
Я видел репу.

■ ■ ■

моё слепое радужное тело
мои угасшие без счастья брюки
мои карманы полные печали
шершавый вечер масло в сундуке
сверчок весёлый с пеплом на бровях
шипящий плач ответного куста
вернее шапочка медвяной лупы
точнее почта сдавшихся за крупы
иль волк сверкнул как червь
боками. снег лежал
жуя гнилую вервь
он по полю бежал
стояли онучи лучистых глаз
на чан похожих полный щавеля
цветных полотен пот
рисунок на уме.

T
10 XE CAMDE

■ ■ ■

Итак.

Сего Дня
тихонько скрипнув
в поперечнике
и зубы сжав
я стал вдруг моложав
и танцы на подсвечнике
уж не казались мыльным пузырьём
а раньше говорил я: все умрём
я раньше говорил что все мы мечники.

Вундт прах

Мимо меня прошёл человек, обладатель головы величиной с бильярдный шар. Хотя врать не буду: голова была несколько более велика и кренилась куда-то влево, или, чёрт подери, вправо, одним словом, он прошёл мимо, а я всё предавался размышлениям по поводу того, могут ли уместиться в его голове, как это принято говорить, разумение, жизненные принципы, острый ум, или, на худой конец, представление о супружеском долге, что-нибудь эдакое. Но нет. Противен и горек вид случайного прохожего. Как жухлая трава под острым сухим сапогом, рассыпается его образ несколько времени спустя. Конечно, конечно.

Вот и прошёл одну улицу, вторую, дошёл наконец, пришёл. Но куда? Куда наконец? Сам и не знал.

Моего отца звали вундт Прах, а меня зовут Чухонец, всему виной моя нестерпимая седая борода, однако об этом позже. Я любитель птиц и потеющих коров. Очень люблю поджигать сухую траву, или закидывать поленьями сухую траву. А потом поджечь. Впрочем, и это излишне.

На плечо примостился ко мне ворон. Тут же покрылись ноги мои голубыми и фиолетовыми венами, тотчас же засвербило в носу, и ладони стали вязкими как каша, так что можно бы туда и палец просунуть, однако пренеприятно.

Всё исчезает. Прочь! Прочь сомнения!

Может быть ты, человек, с синяком на пол лица, может быть ты, голубчик, знаешь куда несут тебя ноги? Или ты, старуха?

Я хватаю нож и бегу на кухню, потому что там моя колыбель, а здесь, на этой грязной улице, на этой вонючей, сырой улице с окнами, с измозжеными стенами, нечего более делать приличному человеку.

У меня длинная, или, лучше сказать, корявая седая борода, и вот теперь я режу ножом хлеб. Но таков уж у меня нрав, что, не отрезав кусок до самого конца, я откладываю нож и ломлю хлеб правой рукой. Почему у меня дома стоит аквариум, почему я так режу хлеб и откуда эта грязь между пальцев на ногах, какие-то волоски, слипшиеся комки. Кто, чёрт возьми, знает будет? Купил бы зелёного горошку, да нет средств на существование. И мыла нет.

Чудесный зелёный горошек, прохладный как утренняя галька.

Что же что же я сижу. Надо поскорее хватать телефон, тыкать пальцами и делать вежливое лицо, чтобы самому поверить, что на другом конце провода такой же мешок с костями сотрясает воздух, уверенный в своей правоте, дышащий лицом в пластмассу.

Вот уже и пол наполняется дождевыми червями, или, если угодно, червяками. Бесплодные попытки отыскать дверную ручку, приходится

высаживать дверь плечом, и вот я снова на во-
нучей улице. А кругом прохожие, прохожие,
прохожие. Кругом порок, опухоль ума, в соб-
ственной голове прореха, так что требуется
обязательно мазь или бинты. Скорее, скорее, я
чувствую, как ветер стирает мой затылок, как
борода превращается в осьминога и лезет в рот.
Глядит на меня пухлая продавщица, и мужчина
средних лет, и кондуктор, и пятилетний сыниш-
ка, и горький пьяница. Где мазь где бинты. Бо-
юсь, что прореха расплзается всё шире и шире.
Теперь туда сможет залезть настырная воро-
на, или клѣст. Всякая сволочь норовит пройти
мимо меня, не замечая чудовищной расщелины
на моём лице, или лучше, на затылке. Впуска-
ют и выпускают из себя воздух, думают, так и
надо. Пожалуй, действительно оно так и есть. Но
где ботинки, где волосы, где чудные стихи, где
хрупкие барышни и кровь с молоком. Почему я
слышу слово «молокосос» только в фильмах.

Пришёл я теперь к друзьям, у них, вер-
но, есть немного белой ткани, чтобы залатать
мне шею и затылок. Но вот уж поздно. Тоскли-
во смотрю, как вытекает из головы последняя
пшеница. Теперь уж ничего не поделаешь. Про-
щайте. Я развожу руками. Наверное, я никогда
уже не побываю в городе Череповце.

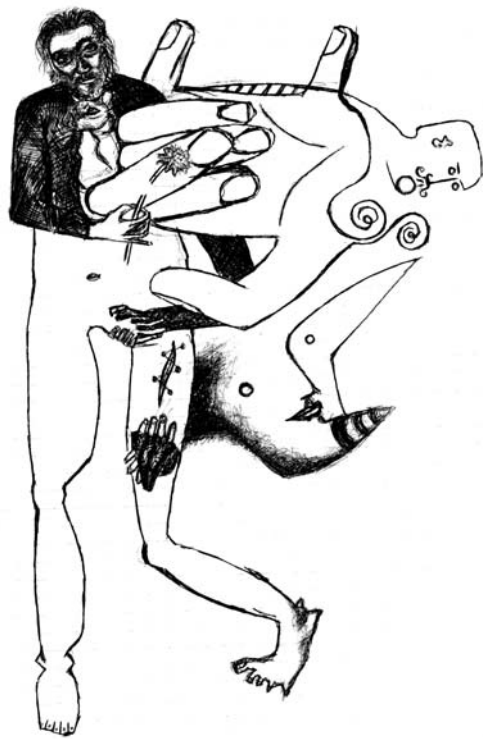
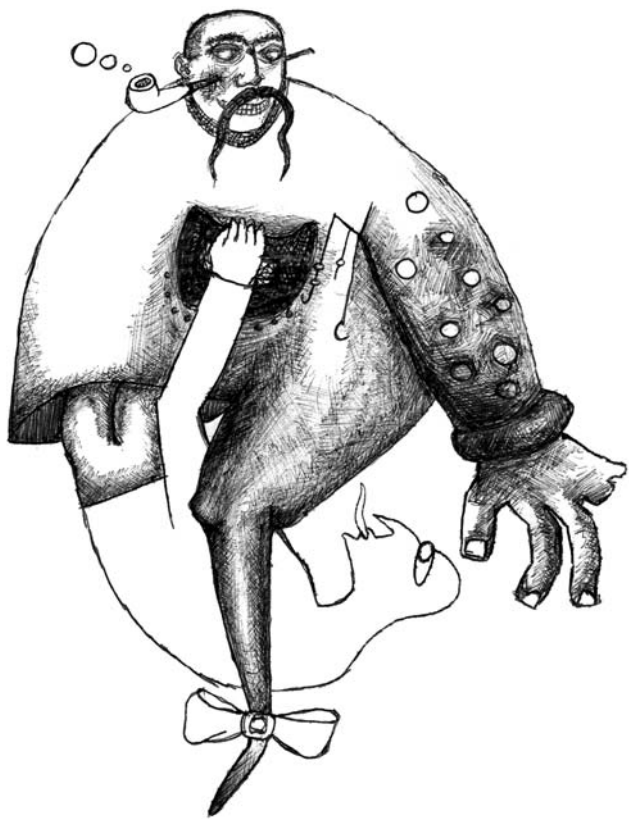
Седая курица жила
Своих седин не уважала.

Боюсь, как бы не вышло чего. Тут понимае-
те ли, такое дело. уши превращаются в пепель-
ницу. Какой пряткий, какой незавидный денёк.
Потираешь было руки, а на них, из грязных
засохших разводов, вырисовываются эдакие
булки. Катышки, что ли, они называются, в об-
щем, не знамо как называть. Так вот, глядишь
на эти руки и знаешь, что они солёные от пота,
проведёшь ли ладонью по щеке, или глаз про-
трёшь, всё одно солёные. Как море.

■ ■ ■

нерусского учительница языка спросила
«мол, дескать, отчего тебя тоска скосила?»
я отвечал ей «от того,
что проиграл врагу я в го».

блюй

важно ударив тростью в стул он смяк
и стал нетерпелив как мул

блюй вновь увиденным добром
на степь и пашни
блюй заржавелым топором
на дом вчерашний
но не рассказывай о том
как стал слепым котом
и визгом наполнял ушат
где кукумбары мельтешат
в своей обновке
спит валя на циновке
в её лице тоска
ах дал бы кто куска
чирикает портфель ужасный
нам в этот день не стоит ли неспешно
пойти и причаститься маслицем,
нам грешным
не стоит ли отрезать лоб
тому кто поп

но от чего тогда
так выцвела моя сухая борода
не знаю видимо я спёкся
и не сберёг своих порточек
попрыгай на цветочек —

там зелье
веселье грубого орла
пера моих рукавных дел
пойдёмте выпорем девиц
задрав их нижнюю скобу
нет я не стану
нам пора объездить страны
сидя в житомирном кулаке
поплавать по оке
и грязные дела не тешат нас
ведь мы глотаем чудный квас
составленный из зёрен и синиц
порой так грустно что я плачу ниц
на марлевою шаль
и свищет ветер в закоулке
моих раздробленных костей
я жду вестей
жгу лампу, лампа тухнет
я снова зажигаю лампу но лампа тухнет
так значит не увидеть, не учесть
придётся делать вид
что чешешь честь
навозным другом
ловко салютуя
пришёл к нему гонец
серебренник и туя
и вымпел
ну а я пошёл бы выпил

чтоб стать прозрачной ласковой стены
прилипшей так не к месту
я плюну в тесто
там родится вошь
скажу ей здравствуй
ты посмотри как я хорош
хоть и без валенок и в саже
она ж меня сгрызёт без ложки и без чаши.

< ■■■ >

приходит день
я надеваю латы
жгу порох в подозрительном амбаре
выходят баре

здравствуйте, друзья!
как счастлив я
что не убёг от плошки
для вас я собираю крошки
пеку хлеба
моя унылая резьба
ведь вам она мила не так ли
зачем же вы так долго плакали?

молчит седой, похожий на волчат
старик с дудой
и руки его палками стучат.

■ ■ ■

д р у з ь я :

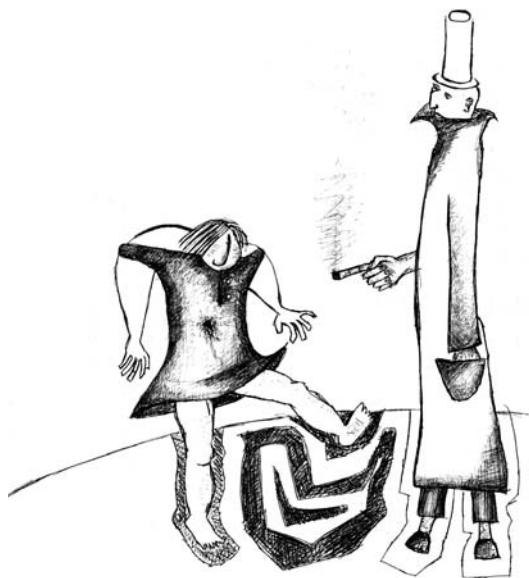
Прощай кузнец, твой грустный вид
нам стал противен.
ты небрит.
ты ветви обломал пахучей иве
ты ходишь слишком чинно
ты думаешь что ты мужчина
и руки, кулаки, ладони
напоминают лишь о вони
ты беспричинно весел,
ты уключиной рождён
ты водишь дружбу с песьим
лихим вождём.

к у з н е ц :

Да, я таков, я шельма
я стерегу альков, мои сверкают бельма
я сам с собой совокупаюсь
и что таить греха
от этого немало умиляюсь
легка моя рука
мой рваный рот противен даже мухам,
а по утрам я пристаю к старухам,
с букетами цветов и плетью длинной
да полусгнившей головой свиной.

«Мне непонятна мысль стиха
В нём пятна громки, вьсь тиха», —
Дренажный почтальон промолвил
И молча стул крутил и стол вил.

Вёз Савва овёс
Да не довёз
Нёс Савва навоз
Да не донёс
Рос Савва до роз
Да не дорос.

■ Я б с наслажденьем ёб себя
■ Когда б длиннее были чресла
■ Но здесь лишь ты
■ Да я
■ Да кресло
Вино и хлеб...
Начну с тебя.

лошади и вино

В деревне Митя просыпáлся на пол. Вместе со своими деревянными петухами и шерстяными колготками. Обручальное кольцо, вдетое в нос, медленно звенело, и от этого становилось ещё уютнее на лоне дикой природы, или вовсе не дикой. Рос чертополох.

Митя радовался умению ходить, выворачивая стопы наискось и вбок. Даже скажем прямее, он не ходил, как это любят называть докучливые дворники и горожане, и вообще люди, а летел как мыльный пузырь, до тех пор, пока первый скромный репейный куст не прорывал ему брюхо. Тогда оттуда сыпались конфеты и гребешки. Дворня радостно сбегалась маша лацканами, попутно озираясь по сторонам света..

Митя стал ковром, и теперь тысячи сапог ежедневно топчут его, ещё не успевшее надоесть этому миру, лицо.

К нему приходит жена, долговязая брюнетка в свитере, друзья и дети. Жизнь его наладилась, и теперь, уже отряхивая мыльной щёткой предпоследний ворс и пыль со своих брюк, он вспоминает те славные деньки, когда можно было запросто, без обиняков подойти к лошади, хлопнуть её по спине металлическим обручем, накормить крупой, отвести в стойло.

Митя горький пьяница. на правой руке четыре шрама, и все от пивных пробок.

Сиротка мельник чувствует губами
Как высыхает пена
Заходит в двери одиноко
И видит воздух
Но на плечо к нему присел поручик
и вот уж кончен бал
замучен пекарь
тяжёлыми хлебами

к нему слетают мухи
его целуют в подбородок
и распускают слухи
про мельников сироток.

неверно блеять на канаву
неверно звать зубастых женщин
такими ласковыми именами
как например:
Агафья, Федр,
Лукерья, Дашенька, Агриппа.
Ещё неправильнее будет
таскать по улицам медали
величиною с пол-гороха
кому-то кажется забавным
кому-то кажется приличным
ну а по мне так это глупо.

история одной любви

Где те счастливые денёчки, когда странно одетый кавалерист надевал круп и утолял жажду тремя размеренными глотками. И отплёвывался, чертяка.

Будь он проклят со своими штучками! Девушка дружила с ним, не без вмешательства бересты проходили их вечера.

Пускай, пускай наворачиваются слёзы на глаза, я расскажу вам эту раздирающую историю:

Девушка, ух какая это была замечательная девушка, с точёным, как у коня лицом, гладким животом и славными, изящными плечами. Она носила платья и изредка штаны, была весела и приветлива, длинные, конечно же, волосы и прочие прелести радовали небо. Птицы и те улыбались, глядя на неё в промежутках своего копошения и чёрствого полёта.

Его звали Фома.

Он, конечно, был староват, но пленил её, сломил её девичью спину своими широкими ладонями, умял её своими пальцами, целовал и гладил по бёдрам.

От избытка чувств девушка постанывала и пускала пыль в глаза. и воздушных змеев. Конечно, это был промах с её стороны. но . но наш мир жесток, как развратный дворовой пёс. И, хотя это сравнение не очень удачно, продолжим.

Фома, добрый малый, хотя и несколько педант, был курящ и был красив, и носил штаны из тонкой материи. Как порой хотелось отравить его борщом. Однако впечатление он производил приятное, всегда выбрит, умыт, одет.

Однажды Фома принёс девушке старинные часы, завёл их. Девушка улыбнулась, и золотые, полосатые пчёлы начали носиться вокруг, разрезая воздух на количество частей, необходимое для радости.

лукпарей

Некоторое время назад я обнаружил сидящую в носу каракатицу. Она распирала стенки носа своими милыми усами, занималась кровопусканием, попутно шевеля мохнатым глазом.

При помощи пинцета я вытащил её, и с тех пор страдаю чудовищным насморком, отнимающим у меня всё свободное время.

Насторожившись, с носовым платком, зажатым в ладонях, я степенно шагаю по набережной. Ничто не внушает мне беспокойства. Добродушием светится моё лицо. Ласковые уличные псы виновато снуют кругом. Солнца нет, да и не может быть солнца столь ослепительной и ясной ночью.

— Здорово, Серёга — говорит за моей спиной кто-то. Голос хриплый и пьяный, настроенный настолько дружелюбно, что я готов обернуться к его обладателю и осыпать его поцелуями. Но меня не зовут Серёгой, и, наполненный робостью, я начинаю бежать, пристально и удивительно. Ноги, эти добрые ходули, как следует подстёгнутые моей могучей волей, уносят меня вдаль. Вот поворот, вот другой. Улица ломится пополам, я успеваю только мечтательно следовать её изгибам.

Бег занимает довольно много времени, но я не чувствую одышки — прекрасные ноги мои не просят кислорода, они движутся сами по себе,

может быть, через квартал другой они посинеют, думаю я, и я ведь, снова думаю я, упаду, потеряв всякую власть над своим бедным телом, потеряв власть над телом я могу потерять разум, и тогда, тогда конечно же начнётся самое интересное, думается мне, я не спешу останавливаться, но вот уж, кажется, ноги онемели, и я падаю, пренеприятно сдирая при этом кожу на ладонях. Они кровоточат, и эта улица, улица, по которой я столько раз гулял, насвистывая хорошие песни с толпой пьяных друзей, гуськом торопящихся за мной, улица, которой я доверял самые сокровенные слова, спотыкаясь о её рыхлое тело, эта улица теперь пытается забраться внутрь меня через раны на ладонях. Но нет, я не терплю подобных предательств! Время показать удалу. И вот я бодро и умело ползу по тротуару, высоко подняв голову и не обращая внимания на собак, которые начали рыться у меня в волосах. Теперь время течёт как ему положено, я успеваю рассмотреть пейзажи, окружающие меня. Так вот, таким образом, совершенно безмятежно преодолеваю я ещё несколько улиц.

Наконец, я встречаю господина, чей рост позволяет ему смело пересекать город, перешагивая гнилые дома и сточные реки. Он наклоняется ко мне, при этом порыв ветра чуть не уносит меня к гибельной кирпичной стене, с такими выбоинами, что я непременно погиб бы от отвращения, донеси меня до неё ветер. По

счастью, господин вовремя хватает меня двумя пальцами и подносит к своему лицу.

Стоит ночь, птицы не поют, и многие люди спят, реки мирно скользят оттуда сюда, звёзды горят.

«Вы меня очень расстраиваете, Сергей» — говорит высокий господин. И я отправляюсь в путь на понюшке табака.

Конечно, следовало бы сказать, что я отправляюсь в путь на орле, но склонность ко лжи исчезла во мне ещё во время воспитания моего в детском саду, когда зёрна всех добродетелей были заронены в мою благодарную и внимательную душу. Итак, я отправился в путь на понюшке табака, или, говоря иначе, оказался у ворот какой-то нелепой городской церквушки, которых так много рассыпано по всему городу. Как горох из сказок, они повсюду.

По счастью, какая-то милая женщина, видимо шедшая из одного места в другое, решила осенить себя крёстным знамением, проходя мимо горохового строения.

С этого момента начинается история, конца которой нет. История о том, как четыре человека встретились в саду.

однажды,
крадучись ночью по какой-то поляне
по чёрт знает какой поляне
обезумел путешественник
от хождения ли ног
тело как мешок опало
как мешок на землю опустилось
он бредил
овечьей шерстью отступало благоразумие
падали листья
в голове шевелились механизмы
ничего не понял
ничего
просто лежачему очутиться легче стало
в цветном мире,
не людей, слава богу,
каких-то деревьев.

Ехал всадник по дороге
Безобразен весь
На лице его убогом
Мельтешила спесь

Всадник-всадник, всадник-шило
Всадник-полотно,
Всадник добрый, всадник милый,
Всадник молод, но...

Всадник, кто ты?
Всадник: **ШПРОТЫ.**

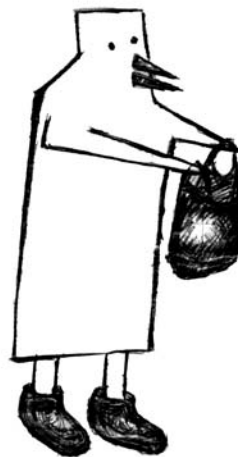
Как сыр стекают на пол очки
В руках догорает вата
На голове у прачки
Кожа ноздревата
Умильный, умильный
Проходит день.

Едва ли тусклая лампада
очертит угол
Едва ли мёртвая помада
поднимет кукол

Вот начертанье дней унылых
Пельменей серых
Скучает сотканный из мыла
Плотик веры

Жуки ползут из подворотен
На проспекты
Туда им, чёрт подери, и дорога!

Робляін

для убрания пылин
добываем кобылѣн

■ ■ ■

«зарѣкся раз карась один
дышать водою
и малыша в плену у льдин
нашли средою»

расвирепев
певец отбросил свою лиру.
такую песню не спою я злому миру
и хороша она по-своему и погана
но сохранив её я треф-полкана разбуджу
я лучше просто похожу.

(ходит)

наивные размышления о побеге

Ловец копыта любит мячик
Седельный мастер любит конь
Овец король лупцует спящих
но разжигает им огонь

погони мягкие, незлые
погони спящих за углом
погони нужные для выи
зато ненужные потом

они кругом: внутри осоки
на улице и на пичуге
так убежавших вносят слуги
и презирают колобоки

да-да, да-да на расстоянье
склонили девушку на шашки
она поёт, из-под рубашки
торчат обугленные длани

хмельная зыбь на дураке
и на друзьях его гуляет
свистеть другим не позволяет
вчерашний мастер в кабаке

Мы посвистим. Где от рубахи
Отпали злые рукава
Гуляют кони и монахи
Летают мёртвые монахи
Гудят от пламени монахи.

шуруп

Трость достав, глядите, я показываю
Она состоит из шурупов, которые
я смазываю

Куриная, посмотрите, эта ступенька
На неё мы кладём пеньку и деньги
Слабые дети,
на луже жуя сожалею о цвете,
На луже жуя тростиночку
Цвета не вижу длинного
Выроем из лесу зиночку
Гости пришли соловьиные

Шапку снимают гости
Лампа смешная тухнет
Падал шуруп от трости
как человек на кухне

ну-ка. кидаю ложку
ну-ка. забыл куда
а гости плюют в окошко
презренья зажав в устах

За окнами парусина
и царство убогих песен
здесь гости целуют зину
а я собираю плесень

но гости не любят плесень
они не танцуют вальсы
предпочитая лесен
чугун. и фигуры сальсы

тогда досвиданье рыбе
(оно до сих пор со мною)
они говорят и зыбью
ломают лицо дверное

прореха прорехе завтра
привет передаст привычный
за дверью отстался завтрак
и коконов зов обычный

фигура на кухне пухнет
собака целует лиса
весёлая лампа тухнет
ивана жуёт анфиса
без риса тщась понять позоры кабельные

Послушайте, я рассказываю басни бабельные
Кую дощечки, сапожки тачаю кафельные
и укрощаю взглядом осетрину
Целуйте мне урюк, икру, ложбину
Иначе я залезу на рябину
оставлю мокасины и пальто
и большего не сделает никто.

и похабённую семью
сидит на ветках почек вид
посыплю я тебя землёю
хозяин
мой бедный.

записочка о белом

Ты вспух мы вспухли этим утром
Ты стал большим и мудрым
Как сосис.

Уже седьмые едут сани
пока мы тут с тобою
Шишками бросаемся.

так долго я не плакал, не постился
что человек во мне заколосился
с красивой шеей в марлевом дупле
мы с ним сидим и разговоры водим
один другому ласково поёт
другой единому кладёт поклоны.

руки

пока один как слепень
лежит под мохом
мы дружно попоём горохом:

нут-ка кумак, самок
угул, незрячий
ты не смотри на этот ящик

гляди на ступни
они бёлы
как западные стрелы
как мудрость лешака
подобные медали
они работают едва ли.
но это сон.
к чему нам сон.
когда мы сами забрели в лассо.
оттуда выход не похож на двери
скорее рыхлым памятникам веря
мы выйдем вон.
туда ведёт тропина.
мишель не знает, он живёт наполовину
скошен,
вынутый из ножен,
похож на плуг
так вымотан изношен,

едва отравлен,
что его труды
не веселят ни плуга, ни звезды.
всем скушно.
всем понятно
всем морошка
всем сухо
не забавно
всем сторожка

мы осторожно выйдем на поляну
мы будем пьяные, слепые,
мы к дубу подойдём, мы будем злые,
мы станем кашлять.
весь набор пропал.
зачем любил, зачем копал
всем непонятно.

и то то же
лениво скажет небо
ужо вам
хватит
все мы падали в овёс.
довольно
твист,
узда,
пучина,
ковыль,

кушак,
жермен,
увы,
лучина.
суды,
ребята,
пламя,
взвесьте,

кунак,
цевья,
сорока,
двести.

иди иди
иди луду уди
а бога не суди
он в проруби.
об этом нечего сказать.

нам станет страшно
мы поползём
мы затеем шашни
друг друга загрызём

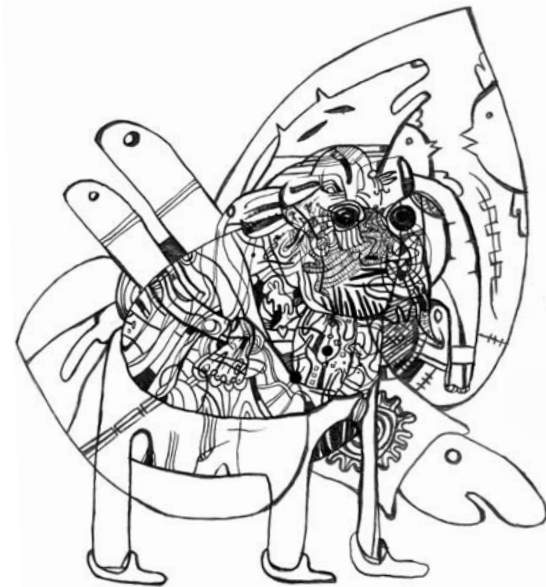
таков был суд дубов
дубовий суд
дуб вынес приговор посуд.

орёл и семечка

Орёл и семечка кружат
они товарища поют
они в кормушку не ложатся
спать не ложатся без ножа
при этом пьют
на них не надо обижаться
они пустынники, им вредно
пленять холщовым мастерством
слепых и бедных.

■ ■ ■

отчего не носит кожи
старый пимен отчего
оттого что пимен может.

Не то на пнях заботой скошен
Звездой вынутый из ножен
Сидит рыбак

Не то совсем пропали силы
Ходить с невестой до могилы
Точить ножи

Не то на брюках две полоски
Уходят в небо как повозки
Торчит ступня

не то цари вокруг пернаты
а рядом лошади из ваты
ведут беседу

не то гляди кругом емели
совсем пропахшие от сдобы
вздыхают еле-еле

Не то булавками опутан
Танцует мёртвый капитан
Уж опустел его стакан
А он всё пляшет музыкой укутан
Идёт ломая сапоги
То мимо стен то мимо окон

Его сосед одетый в кокон
Спит наподобие дуги

Не так висит кудрявый плод
Зато как следует дымится
Оставленный на завтрак рыцарь

Он всё ещё того же ждёт
О том же всё ещё томится
Но на неделе всё пройдёт

Мы ждём тебя чесотка лиц
Мы пьем тебя садовый вечер
Мы позабыли тебя печень.

1717 г.д

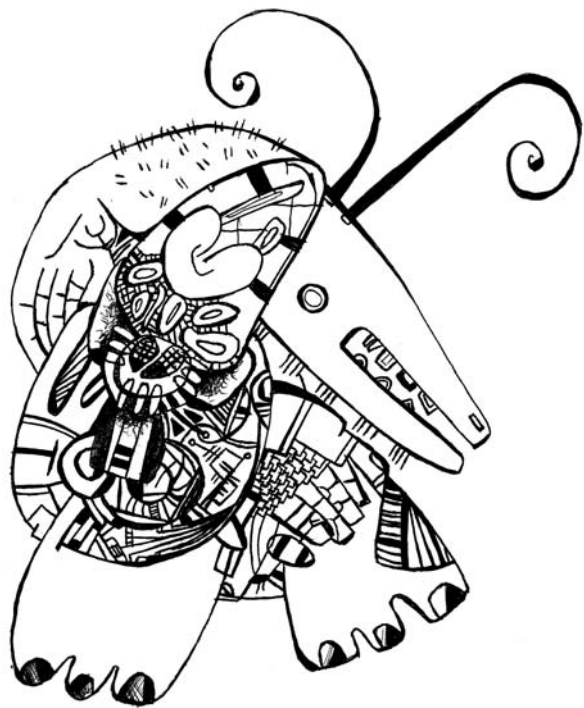
На синем лбу моём дуга
Прореха пенного ума
Горох зелёный на ногах
Горох зелёный на губах

Мой взгляд бессмысленный как сено
Теперь крыльцо моя родня
Теперь посередине дня
На лбу не засыхает пена

Не волк, совсем не волк куёт
Все эти шапки и медали
Не волк мои ступни жуёт
Меня жуёт косяк кефали

Остался редька и брелок
Напоминание о чуде
Остались радости молоко
Ещё остался молоток.

Из пола прут святыни. уж ли
оставить праведных замужним
неужли тёртым калачём
стаканы мыть. здесь заключён
вопрос одной ухваткой стёртый
колодец для одних четвёртый
другим небесный, третим лишний
четвёртым круглый бог всевышний

заходят сбоку с неводами
блаженный радостен блюя
он доставляет для жилья
дом с голубыми проводами
и свечку старше чем ребята
он ставит рядом у постели
жуёт коренья и телята
с его ладоней кашу ели

но кто пропах, тому наградой
не будет ветхая свеча
ополоумел и зачах
пускай живёт скитаясь рядом
возможно даже псковичан

управа каждому пчелою
управа каждому ясна.
но тешат репу, тешат зюю.
всех тешат ёлка и сосна

в них боги заплетают кудри
в них бедных спят колокола
в них по утрам ночуют в пудре
а по ночам кладут осла

увы конечно всё иначе
не с тем приходят на паром
не с тем разбитые на даче
лежат ребята с топором

иди-иди отсюда. неча
здесь даже облака калечат.

среди петель затянутых недлинных
среди умов нетрезвых и невинных
не отложить бы мне осла
в тюмень в кибитку и в масла?

Ладоши для того имею
Чтобы разбить широкий луг
На них растёт зверёк немея
На нём пасут последний звук

Когда ходил по нём поручик
Он нёс в кармане медный лучик
И отпускал своих собак
И думал «ах, зачем я так».

■ ■ ■ fürBilky

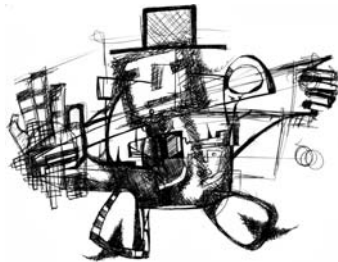
не хохочи
твои сыны
забыли на крюке штаны

не верещи
твои клещи
тебя покинут в немощи

не лебези
твоих друзей
ведёт гадюка по лозе

не прячься
виден ты кругом
в своих глазах ты прячешь дом

ходи кругами как дворецкий
без треуголки или с
и может быть родится сын.

ещё раз о зайце

Зима настала, губы обвалились
Чума на дереве, улитка не ползёт
На пешеходе еле шевелились
Его усы. Он ищет чернозём.

Но тщетно. Жук упал бездумно
На простыню, на кафель, на компот
Я подниму жука благоразумно
И поцелую в безобразный рот.

Но жук уснул. Уснуло блюдо
И в забытьи простыл кулич
Я целовать жука не буду.
В отчаяньи присяду на кирпич

Теперь мне многое виднее:
Вон пешеход целуется со змеем
В его распухшие глаза
Кладёт подарок стрекоза
Живот его замотан в парус
И локоть спрятан в шароварус
Висят усы
Глаза косы́

Какая дикая картина!
О, кучерявых слов плотина!

Пришла зима. Погибли зайцы
я этот стих печатал пальцем.

Исаак

глазами вижу дом и дом
ещё садовников с трудом

ан тоже смятые оне
и ловят лобзиком деревья
найти пытаюсь у корней
чужие длинные кочевья

качает голову усато
прохожий селезень
и вата —
его ушей его бельма
о тайнах говорит сама

язычник он. зачем он здесь
возьми его, поймай и свесь

воткнулись в небо волоса
они растут как медный тазик
больные мохом голоса
лежат на теле в виде мази

висят висячие волосья
на тучу глядя взглядом сосен

ещё не поздно,
приснет вечер

и ходит всякий
человече
соседу молится угрюмо
о том что не умеет думать

от том что распашонка в дырах
о том что он колодец вырыл
или на мясе, на мясном
живёт и верит. он чеснок

все эти виды —
дети гниды

они всосут последний выдох
и ты в лесу не встретишь белок
оставишь на суку глаза
продашь за деньги волоса

ты зарастёшь корявой кожей
и по земле ходить не сможешь

быть может шляпа упадёт
быть может дождик упадёт

хотя однажды
ради басен
ты продаёшь своё пальто
стоишь и думаешь не то

глядишь на вечер
на Ваню
и в голове твоей окно

последний полдень
был вчера
и загрустил о нём пират

он думал
для чего я старый
готов пасти овец отару

но вместо пастбищ и овец
шуршу зубами как шельмец

я плывал ровно
спал на сене
любил кататься на коньках
я поливал вином колени
носил ребёнка на руках
зачем зачем снеговиков я делал

он трубочку курил пустую
он думал думушку простую
и дым на небо уходил
жевал коренья крокодил

тебя не звали исаак
пирата звали исаак.

■ ■ ■ fürPaklya

Не стоит думать,
что бумажный,
комариный человек,
не знает нужных слов,
однажды,
ты сам увидишь нужный кек

раздвинешь плавники,
так горько,
так горько станет в животе
станцуешь крак, станцуешь польку
но танцы будут все не те

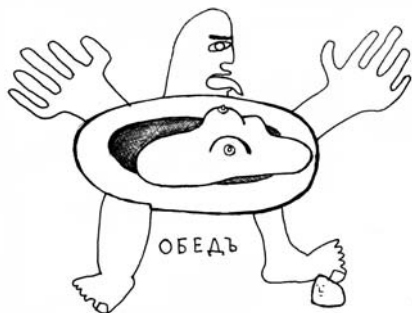
в тиши влачит друг деревянный
больные уши, глаз стремянный
не падает не ткёт, не плачет
всё теребит в руке калачик

ногам вручит твой ум погоны
рукам подарит бусы, мёд
Ты станешь бить плетью иконы
Да за щекой хранить помёт

Весёлых псов.
Они растут

Щека не выдержит давленья
Захочешь удалить кисту
Но нет кисты.
лишь умиление
Раздутых щёк
Одну положишь на плечо.

так говорю,
так было, есть, и будет
я снял чугунную печать,
поставил между окон студень.
псы радости
беременная голова
и другие хорошие слова.

по уму

■
Когда-то жили мы в доме
И всё делили по уму
Тебе колода, вам палаш
И даже паше карандрашь

Но рассыпается бензин
И плачет мельник у порога
И из его больших слезин
Растут огромные два рога

К чему сей пир? Кого он манит
Кому так мил херок в кармане?

ответа нет. все пыль глотают
кривыми сгорбленными ртами.

■

Вдвоём с ежом
Так трудно бегать,
Я как-то ком
слепил из снега

был ком усат, был ком просторен
и рядом с ним я был позорен.

и я ушёл
ушёл к ежу
его получше разложу
надену на него сапожки,
и с жемчугами две серёжки

Мы будем жить как тесть и внук
вдали от пыли и наук.

■

так много басен спит повсюду
так редко любим мы тефтель
его на грязную посуду
кладём.
а надо бы в постель.

ложись тефтель,
ты мой товарищ
ты без петель
поёшь и жаришь.

ты плаваешь куда положат
для нужд твоих сошью я кожух.

радіола

половые куличи
раздувают мне бока
вместо барышень в ночи
мне кусает рот полкан

я четвёртый день в пыли
дожидаюсь прибыли
положи меня дружище
в эти белые кули.

■ ■ ■

И пихта буйная цветёт

И тараканы плещут
в муфте.